

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-26-31

© С. М. Шумило (Украина)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ СЛОВА НА ФОМИНУ НЕДЕЛЮ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Поэтика проповедей Кирилла Туровского неоднократно привлекала внимание исследователей,¹ однако мало изучен такой важный художественный элемент его произведений, как аллюзии на богослужебные тексты, несмотря на то, что именно этот проповеднический прием является, на наш взгляд, одним из центральных в эпидейктике Кирилла Туровского.²

Слово на Фомину неделю³ отличается от всех проповедей Кирилла Туровского оригинальностью композиции, яркостью сравнений и символизмом. Прямая жанровая и стилистическая зависимость проповеди Кирилла Туровского от богослужебного текста обуславливает и возникновение определенных специфических черт проповеди, которая генетически связана с каким-то особенным богослужением, а служба Фоминой недели как раз особенная, она резко отличается от всех служб пасхального периода. Начнем с описания отличий от родственных ей служб.

Все богослужения пасхального цикла, т. е. Цветной триоди, объединены между собой сквозной темой и общим корпусом текстов: пасхальным канонам, стихирами на хвалитех, пасхальным экзопостиларием и некоторыми повторяющимися возгласами. Такой цикл служб представлен, например, в Цветной триоди собрания Троице-Сергиевой лавры № 399, которая в нашей работе используется как источник. Служба же Фоминой недели отличается от всех чинопоследований этого цикла: она не имеет пасхального канона, пасхального экзопостилария и пасхальных стихир на хвалитех. Как бы завершая собой Светлую седмицу, на протяжении которой пасхальное богослужение почти не изменялось, за исключением некоторых стихир, служба Фомину воскресению предлагает молящимся принципиально другие тексты — думается, ради сосредоточения внимания после повторяющихся праздничных песнопений.

Кирилл Туровский, вслед за контрастным по отношению к другим чинопоследованиям Цветной триоди богослужением, создает не менее выделяющуюся на общем фоне проповедь, мы не найдем в ней столь заметного влияния Триоди, как в других его произведениях. Проповедник как бы меняет метод использования литературных источников: не цитирует их, не вписывает аллюзий или реминисценций, но выбирает из богослужения какие-то одну или две фразы, включает их в текст как не прямые цитаты и толкует их.

Это не случайная композиция проповеди, ее нельзя назвать родившейся спонтанно. Аналогичный метод встречается в других произведениях этого автора, а также

¹ См., например: *Еремин И. П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 18. С. 51–58; *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб., 2001. С. 154–160; *Чижевський Д. І.* Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956. С. 136–155; *Кусков В. В.* История древнерусской литературы: Учебник. М., 1982. С. 114–115; *Рогачевская Е. Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского: тексты и исследования. М., 1999. С. 7–85; *Сазонова Л. И.* Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. М.; Л., 1974. Т. 28. С. 30–46, и др.

² См. об этом: *Шумило С. М.* Влияние литургической гимнографии на творчество Кирилла Туровского // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 252–264.

³ Полное название — «Слово Кирила недостойнаго мниха по Пасце, похваление въскресения, и о арьтусе, и о Фомине испытанья ребр господних».

у более поздних проповедников, например у Григория Цамблака в проповедях на Великий четверг и об Илии Пророке.⁴

Итак, рассмотрим текст Слова на неделю Фомину с точки зрения использования литературных источников.

Прежде всего, необходимо сказать, что, помимо гимнографического источника, здесь есть и эпидейктический — Кирилл Туровский обращается к Слову на обновление Григория Богослова. Это обращение в известной степени связано с чинопоследованием Фоминой недели: в службе есть указание на чтение именно этой проповеди, она для Кирилла — составная часть богослужения. Рассмотрим один фрагмент из проповеди Григория Богослова на обновление: «Нынѣ солнце высочайше. Нынѣ лунѣ круг прозрачнѣи, и звѣздам ликъ чистейши...»⁵

Большой лирический период у Григория Богослова посвящен описанию природы, весенней радости, которая охватывает весь мир в это время года. Богослов не проводит прямой параллели от природных явлений к празднику Пасхи, у него это чистая лирика. Но Кирилл Туровский, вписывая в свою проповедь аллюзию на произведение Григория Богослова, аллегорически толкует каждое его высказывание. Так, он, не ссылаясь на Григория и не указывая, что пишет толкование, разъясняет реципиентам, о каком солнце и какой луне идет речь. Солнце и луна в его проповеди существуют как авторские образы, но средневековый молящийся, только что прослушавший службу, конечно, догадывается, что ему предлагают вариант уже слышанных метафор и толкование на лирическое отступление Григория Богослова.

Во-первых, Кирилл Туровский заимствует образы солнца и луны, а также ключевого слова (здесь — «нынѣ»), своеобразного слова-«маркера», начинающего новую синтагму: «Нынѣ солнце красуяся к высотѣ восходит и радуяся землю огрѣвает <...> Ныня луна с вышняго съступивши степени болшему свѣтилу честь подавает...»⁶

А затем, проведя, в числе многих, эту параллель к проповеди Григория, Кирилл Туровский толкует данные образы: «Нынѣ солнце <...> — взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся вѣрующая ему спасает. Ныня луна <...> — уже бо ветхий закон по писанию с субботами преста и пророки Христову закону честь подает».⁷

Эта параллель к проповеди раннехристианского риторика могла бы показаться случайным совпадением образов, если бы не находилась в контексте множества подобных параллелей и толкований. Рассмотрим еще несколько аналогичных случаев.

Проповедь Григория Богослова: «Нынѣ же рѣкы силнѣе зимных узѣ раздрѣшившяся...»⁸

Проповедь Кирилла Туровского: «Ныня зима грѣховная покаяннемъ преста и лед невѣрия богоразумиемъ растаяся; зима убо языческаго кумиролужения апостолскимъ учениемъ и Христовою вѣрою преста ест, лед же Фомина невѣрия показаниемъ Христов ребр растаяся».⁹

Образ рек, тающих от весеннего солнца так, как грехи тают от «умозрительного» солнца воскресения Христова, очевидно, заимствован Кириллом у Григория и развит в более полное толкование.

Проповедь Григория Богослова: «Царица вѣременемъ <весна. — С. III.> царици днемъ <Пасхе. — С. III.> посилаетъ и дароноситъ отъ своих все, еже чьто добрѣише и краснѣише...»¹⁰

⁴ См. об этом: *Шумило С. М.* Богослужбные тексты как литературный источник средневековой проповеди: поучения Григория Цамблака // *Русская литература.* 2017. № 3. С. 158–164.

⁵ *Григорий Богослов.* Слово на обновление, ркп. НБКМ 674 // 16 слова на св. Григорий Богослов (фототипно издание на ръкопис НБКМ 674) / Подг. изд. М. А. Спасова. София, 2014. Л. 37–37 об.

⁶ *Кирилл Туровский.* Слово Кирилла недостойнаго мнихе по пасце, похваление въскресения, и о арътусе, и о Фоминѣ испытаныи ребр господних // *ТОДРЛ.* М.; Л., 1957. Т. 13. С. 416 (далее — Слово на Фомину неделю).

⁷ Там же.

⁸ *Григорий Богослов.* Слово на обновление... Л. 37 об.

⁹ *Кирилл Туровский.* Слово на Фомину неделю. С. 416.

¹⁰ *Григорий Богослов.* Слово на обновление... Л. 37.

Здесь Григорий Богослов предлагает интересную метафору-олицетворение: весна как бы дарит празднику Пасхи все самое прекрасное, что имеет в себе. Кирилл Туровский отталкивается от этого олицетворения и останавливается на метафоре «весна — вера»: «Днесь весна красується, оживляючи земное естество <...> Весна убо красная есть вѣра Христова, яже крещениемъ поражаетъ чловѣческое паки естество...»¹¹

Думается, изменение Кириллом контекста, в котором употреблена метафора весны у Григория Богослова, обусловлено непосредственным влиянием Триоди. В чинопоследовании Фоминой недели метафора весны возникает ближе к концу службы — в экспостиларии, — она практически не связана с общим контекстом службы и потому, вероятно, нуждается в толковании. Поскольку она перекликается с проповедью Григория Богослова, то Кирилл Туровский, толкуя проповедь, истолковал и эту богослужебную метафору. В экспостиларии текст о весне звучит так: «Днесь весна благоухает, и нова тварь ликует, днесь взимаются ключа дверем невѣрию, Фому другу вѣпьющу: Господь и Бог мой».¹²

Это единственное место в службе, где упоминается весна, но далеко не единственное место в проповедях Григория и Кирилла, где говорится о весне и расцветающей природе. Нужно сказать, что богослужение вообще очень редко указывает на то или иное время года: богослужебный год оторван от природных явлений. Потому упоминание весны, времени года, на которое неизменно приходится Пасха, особенно бросается в глаза в службе Антипасхи и привлекает внимание молящихся. Именно такие фрагменты — выдающиеся, запоминающиеся — обычно книжники и используют как литературный источник.

Далее Кирилл Туровский продолжает толковать проповедь Григория Богослова, который, изобразив солнце, луну, реки и сады, рисует и ягнят, веселящихся на зеленой травке. Если в просторном пейзажном описании Григория эти ягнята не контрастируют с общей картинкой и даже напоминают идиллические античные пейзажи с их стадами и пастухами, то в проповеди Кирилла, если не учитывать ее внутреннюю связь со Словом Григория Богослова, они явно выпадают из общего контекста. Это объясняется как раз стремлением автора истолковать столь необычный для церковного праздника образ, как играющие ягнята, который он заимствует от Григория. Рассмотрим этот фрагмент.

Проповедь Григория Богослова: «И цвѣтъ благоухаетъ. И садъ точить <...> И агъцы играютъ у зеленыхъ нивъ...»¹³

Проповедь Кирилла Туровского: «Ныня новоражаеми агънци и уньци быстро путь перуце скачють и скоро к матеремъ възвращающесе веселяться...»

Сказав об агъцах, Кирилл тут же предлагает толкование того, зачем этот образ введен в проповедь: «Агъца глаголю кроткия отъ языкъ люди, а уньца — чмирослужителя невѣрныхъ стран, иже Христовымъ въчловѣчениемъ, и апостольскимъ учениемъ и чюдеса, скоро по законъ емьшесе, и къ святѣй церкви възвратившесе, млеко си учения съсуть <...> Ныня древа лѣторасли испущаютъ, и цвѣты благоухания процвѣтають...»¹⁴

Образ ягнят в Слове Кирилла был бы совершенно непонятен без учета источника: древнерусской литературе не свойственны те буколические зарисовки, которые в эпоху Григория Богослова с ее античной ученостью могли восприниматься как гармоничный лирический элемент проповеди.

Вторая половина Слова Кирилла Туровского имеет непосредственным литературным источником песнопения Триоди. Чинопоследование Фоминой недели посвящено событию уверения Фомы, и весь текст службы построен на повторении двух главных моментов этого евангельского эпизода: призыву Христа прикоснуться к Нему и уверить в Его божественности, обращенному к Фоме, и ответу Фомы о том, что Христос — это Господь и Бог его. Призыв Христа и особенно ответ Фомы практически до-

¹¹ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю... С. 416.

¹² Триодъ цветная // РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 399. Л. 119 об.

¹³ Григорий Богослов. Слово на обновление... Л. 37.

¹⁴ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю... С. 416.

словно повторяются в большинстве стихир и в тропарях канона. По многократному и точному повторению одних и тех же евангельских фраз эта служба также выделяется на фоне других чинопоследований пасхального цикла. Приведем несколько соответствующих фрагментов.

Стихиры на Господи возвах: «...невѣрующему ученику руцѣ и ноzi показа и пречистое ребро, он де вѣроу возопи: Господь мой и Бог мой...»; «...не не сподобилъ еси, Блаже, показати ему пречистое ребро Твое и рукамъ, и ногамъ язвы. Ож же, осязавъ и видевъ, исповѣда Тебѣ быти Бога <...> и въпияше: Господь мой Бог мой...»; «...Фоме возопи: прииди, апостоле, осяжи длани, в них же гвозди вонзошася <...> и съ страхомъ возопи: Господь мой и Богъ мой...»; «Принеси здѣ руку твою и вложи в ребра моя и виждь <...> вси, увѣдѣша страсти и въскрешение мое звати с тобою: Господь мой и Бог мой».¹⁵

Мы рассмотрели лишь малый отрывок всего чинопоследования — стихиры на Господи возвах, но уже в них обнаружили многократное повторение двух основных возгласов: Христа — к Фоме, Фомы — к Христу. Дальнейший анализ службы выявляет использование этих двух возгласов практически в каждой стихире и каждом тропаре.

Как наиболее запоминающиеся в чинопоследовании праздника и как самые значимые по идейному наполнению эти два возгласа были выбраны Кириллом Туровским как две важнейшие композиционные составляющие для второй части его проповеди.

Автор не просто повторяет два указанных момента, а расширяет при помощи пространный амплификации и фразу Христа, и ответ Фомы. Предлагая слушателю все новые и новые вариации возгласов, Кирилл Туровский значительно отклоняется от стилистической простоты песнопений на эту неделю: в богослужении они просто повторяются, у него же — варьируются и наполняются глубоким богословским смыслом. Проанализируем сначала обращение Христа к Фоме. В службе оно ярче всего отражено в первом седальне на утрени, который, думается, является одним из главных литературных источников для проповеди Кирилла Туровского: «...принеси руку твою и испытай, яко Сам аз есмь, Иже тебѣ ради пострадавый...»¹⁶

Теперь рассмотрим это восклицание Христа, каким его представил туровский проповедник (повторяющиеся гимнографические фразы выделены): «...Принеси руку твою и виждь прободение ребр моих, и вѣруи, яко Аз Сам есмь. Мнѣ бо и прежде тебе патриарси и пророци разумѣвше вѣроваша моему вѣчеловѣчению. Испытай первое Исаино о Мнѣ писание <...> Осязай Мя, яко Сам Аз есмь, Его же прежде осязав Семеон и вѣроу прошаше отпущения с миром, и не буди невѣрен, яко же Ирод, яже слыша Мое рождество глаголаше вольхвом <...> Вѣруй Ми, Фома, и познай Мя, яко же и Авраам <...> и тѣ познав Мя, Господа Мя нарече, и о Содомѣ моляше Ми ся, да его не погублю <...> И веруй Ми, Фома, яко Сам Аз есмь, Его же видѣ Ияков в нощи на лѣствицѣ утверждающаяся <...> Вѣруй Ми, Фома, яко Сам Аз есмь, Его же образ видѣ Исаия на престолѣ высоцѣ <...> Аз есмь, явивыйся Езекилю посреде животных образом человѣческомъ <...> Аз есмь, Его же видѣ Даниил на облацѣх небесных <...> и не буди невѣрен, но вѣрен».¹⁷

Этот большой фрагмент написан в лучших традициях «плетения словес»: перед нами и амплификация, и синтаксический параллелизм, и анафора. Самым же ярким художественным приемом, на наш взгляд, здесь является аллюзия на богослужебный текст («Сам Аз есмь»), которая, при многократном повторении и расширении, получает уникальное смысловое наполнение. Если в богослужении, говоря «Аз есмь», Христос имеет в виду Себя-Богочеловека и Бога-Сына, то у Кирилла Туровского Он рассказывает о Себе как о Боге-Творце. Кирилл таким образом возвеличивает Христа и отмечает Его несомненную связь с Богом-Отцом и Его единосущие с Ним. Особенно ярко это продемонстрировано на примере Авраама: Христос у Кирилла указывает Фоме, что Авраам, встретив трех ангелов, не сомневался, что перед ним — Бог, и потому молился Ему как Богу о помиловании Sodoma и Гоморры. И ты, как бы говорит

¹⁵ Триодь цветная. Л. 114 об. — 115.

¹⁶ Там же. Л. 115. Курсив наш. — С. III.

¹⁷ Кирилл Туровский. Слово на Фомину неделю. С. 417–418.

Христос Фоме, не сомневайся, что перед тобою Бог. Амплификация у Кирилла начинается и заканчивается евангельскими словами «Принеси руку твою <...> и не буди невѣрен, но вѣрен» (Ин. 20: 27), как бы обрамляющими рассуждение о единосущии Божества и подчеркивающими изящность созданной проповедником композиции. Таким образом, вместо простой аллюзии на богослужение Кирилл составляет целое богословское рассуждение, написанное в форме амплификации и апелляции к евангельским и богослужебным словам.

Ответ Фомы также получает у Кирилла Туровского искусное оформление в «украшенном» стиле. Каждое слово этого ответа расширено при помощи отдельной амплификации и наполнено богословским содержанием. Так, утверждение Фомы, его «верую», представлено, во-первых, как еще один акцент на Его связи с ветхозаветными пророчествами и, во-вторых, как последовательное обличение гонителей Христа: «Вѣрую, Господи, яко Ты еси Сам Христос Бог мой, о Нем же писаша пророци прозяще духомъ, Его же прообрази в законѣ Моиси, Его же отвергошася с жерци фарисѣи, Ему же поругашася завистию с книжники жидове, Его же с Каиафою на распяты Пилат преда, Его же Бог Отецъ из мертвыхъ вѣскреси».¹⁸

Прикосновение Фомы к язвам Христа Кирилл преподносит слушателям как еще одну речь богословского содержания — с рассуждением о единосущии и церковной преемственности: «Вижу руцѣ Твои, има же преже створи всю тварь, и Рай насади, и человекъ созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. Вижу нози Твои, ею же припадъши первое вдовица от мертвыхъ своего сына с душею прият жива; над сима ногама кровоточивая подолцѣ ризы прикоснувшись ицѣль (так!) от недуга».¹⁹

Самую же главную фразу Фомы — «Господь мой и Бог мой» — Кирилл Туровский не осложняет никакой амплификацией, и, думается, неслучайно: проповедь призвана пояснить и распространить то, что может показаться непонятным или недостаточно четко проговоренным в чинопоследовании. Именно поэтому туровский проповедник всегда останавливается на тех фрагментах богослужения, которые могут пройти незамеченными: описании весны, утверждении единосущия Бога-Сына Богу-Отцу, преемственности Нового Завета от Ветхого. Утверждение же Фомы и без того многократно встречается в богослужении, настолько часто, что воспринимается как рефрен всего чинопоследования, и потому Кирилл даже не повторяет его — варьирует слова апостола: «...и аз, Господи, вѣрую, яко Ты еси Бог».²⁰

Эта фраза вписана практически в самый конец проповеди. Аллюзии на Триодь довольно резко обрываются буквально в последней части Слова, и ответ Фомы завершает собой произведение Кирилла. Однако идея единосущия Божества, которая, очевидно, была особенно важна для проповедника, возникает еще раз в заключительном, обычно трафаретном, предложении: «...братъе, вѣруем, <...> и от Троица единого познаим, Господа и Бога, Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцем и с пресвятым Духом».²¹

Как правило, проповеди Кирилла заканчиваются формулами «человѣколюбием Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава с Отцем и с пресвятымъ и благымъ и животворящимъ Духом...»²² или «яко Твое есть царство, и Твоя, Христе, держава, со Отцемъ и Святым Духом...».²³ Но в данном произведении проповедник счел за необходимость еще раз подчеркнуть единосущие Иисуса Богу-Отцу, а потому и в заключительном возгласе призвал к познанию Одного из Троицы. Его проповедь, очевидно, преследует сразу две цели, связанные с двумя ее литературными источниками: первая — истолковать непонятные для древнерусского слушателя места Слова на обновление Григория Богослова, которое по триодному указанию читается во время

¹⁸ Там же. С. 418.

¹⁹ Там же. С. 418–419.

²⁰ Там же. С. 419.

²¹ Там же.

²² См.: Святого Кюрила мниха слово о сънятии тѣла Христова с креста... // ТОДРЛ. Т. 13. С. 426.

²³ См.: Слово Кюрила недостойнаго мниха на Святую Паску... // Там же. С. 414.

богослужения, вторая — поставить слушателя на место Фомы, хорошо знавшего Ветхий Завет и пророков, и заставить его вдруг вместе с Фомой внезапно осознать, что воскресший Христос — это Тот Самый, о Ком написана Библия, единосущный Богу-Творцу. Вторая задача, видимо, была столь важна, что проповедник даже нарушил трафаретный заключительный возглас, вписав в него эту идею. Впрочем, и это вторит богослужебной традиции, по которой на Господские праздники полагаются особенные «отпусты» — заключительные возгласы священника, всегда одинаковые в течение года за исключением Господских праздников.²⁴

Подводя итог, отметим, что эпидейктические произведения Кирилла Туровского практически всегда тесно связаны с богослужением и полны аллюзией на него — в отличие от аскетических сочинений, например, Повести о человеческой душе или Повести о белоризце. Тем не менее практически каждая его проповедь демонстрирует какой-то особый метод использования гимнографических заимствований. Проповедь на Фомину неделю берет за основу всего одно песнопение соответствующей службы — указанный нами седален, и вся композиция этого слова выстраивается вокруг выбранного песнопения. Слово на Фомину неделю, кроме того, является расширенным толкованием чтения, положенного на этот день, — Слова на обновление Григория Богослова. Эти особенности проповеди представляются уникальными в контексте всего пасхального цикла проповедей Кирилла Туровского и вообще эпидейктики Киевской Руси.

²⁴ Отпусты великие и малые // Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви / Под ред. К. Никольского. СПб., 1907. С. 234–237.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-31-39

© Микела Вендитти (Италия)

ЖАНР НАДПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА (СТИХИ НА СМЕРТЬ СОБАКИ)

Изучение малых жанров в эпоху становления новой русской литературы встречается немало затруднений. Определить корпус сложно, потому что поэтические произведения могли появляться анонимно или оказаться переводами без указания на источник. С. И. Николаев писал в связи с подготовкой сборника «Русская стихотворная эпитафия»¹ о трудностях при изучении малых жанров не только из-за отсутствия точного их определения, но и из-за того, что произведения зачастую остаются неопубликованными, поскольку они запрятаны в рукописных сборниках и малодоступных журналах. И если исследователи давно уже обратили внимание на жанр эпиграммы и эпитафии,² то жанр надписи пока еще мало изучен.³

Цель настоящей статьи — не в том, чтобы определить жанр надписи как таковой (что неизменно повлекло бы за собой сложный вопрос о жанре вообще),⁴ а скорее в том, чтобы ограничиться постановкой вопроса — в связи со специфической темой надписей на смерть собак в поэзии Г. Р. Державина.

¹ Русская стихотворная эпитафия / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. С. И. Николаева, Т. С. Царьковой. СПб., 1998 (сер. «Новая библиотека поэта»).

² См. также: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века) / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; сост. и прим. М. И. Гиллельсона и К. А. Кумпан; подг. текста К. А. Кумпан. Л., 1988 (Библиотека поэта. Большая сер.); *Добрицын А.* Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Берн [et al.], 2008.

³ См.: *Прокопович О. А.* Жанр надписи в русской поэзии XVIII — первой трети XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Караганда, 2000.

⁴ См.: *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: Исследования и разборы. Екатеринбург, 2010.